

Тенсия авансом

Ольга Даньюб

Ольга Даньюб

Пенсия авансом

«Автор»

2026

Даньюб О.

Пенсия авансом / О. Даньюб — «Автор», 2026

Говорят, в маленьких дворах скрывается большая жизнь. Стоит только присесть на лавочку под старым тополем — и ты уже свой. Здесь каждый дом — живой. В окнах горит теплый свет, за окном темнеет вечер, а на маленькой уютной кухне вспоминают смешные истории из жизни. Здесь пахнет малиновым вареньем и свежей выпечкой, и для каждого гостя всегда найдется чашка горячего ароматного чая. Эта книга поведает о людях, которые живут рядом. О соседях, что стали близкими, словно настоящая семья. О любви, которая приходит неожиданно. О воспоминаниях, которые остаются с нами навсегда. И, конечно, о Тамаре и Аглае — двух бабушках, которые умеют превращать обычный день в приключение и знают: после семидесяти жизнь только начинается. Чай уже заварен. Ты с нами?

© Даньюб О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Даныюб

Пенсия авансом

Подснежники

— Томка, выходи, я лото с антресолей достала, чай заварила, тебя одной не хватает, — пронесся за окном звучный голос Аглаи Петровны, соседки из первого подъезда.

Аглая была небольшого роста, с седыми волосами, уложенными в аккуратный пучок и множеством морщинок, каждая из которых таила в себе свою историю. От старости ее глаза всегда немного блестели и излучали мудрость и теплоту. В свои семьдесят пять лет говорила она живо и быстро, часто звонко смеялась, и обожала цветы.

— Иду, старая, раскладывай пока, — пробурчала Тамара Федоровна, в мыслях думая: «ну чего ж неймется ей, только десять утра, а она уже на ногах. Небось с собаками все магазины успела с рассвета оббежать, да с продавщицами языками почесать».

Сухарь в руке отправился в еще дымящуюся кружку с ароматным чаем. С чабрецом, любимый! А если варенья добавить, да малинового какого вприкуску, так и жить лучше становится, легче. Только кончилось оно, вчера последнюю ложку с блинами доела. Осталось нелюбимое, смородиновое. Теперь до лета ждать.

Когда Тамара допила чай и опустила чашку на раскладной стол, застеленный вязаной салфеткой, то окинула взглядом кухню. Она негласно считалась сердцем квартиры и создавала неповторимый уют. Кухня была небольшой и обжитой, и находились на ней только нужные для Тамары вещи: на подоконнике свежие травы и алая герань для красоты, соцветия которой ярко выделялись на фоне белоснежных кружевных занавесок, ящики, заставленные банками с вареньем и соленьями, двадцатилетняя чугунная сковорода прямо на плите, отрывной календарь и семейное фото в рамочке на стене.

Собрав последние силы в кулак, она надела зеленое платье с ромашками, заплела да уложила косу, повязала белый платок и глянула на себя в зеркало, пробубнив под нос:

— Однако. Семьдесят лет только, а морщин на все восемьдесят.

Коса неизменным спутником сопровождала ее на протяжении жизни, теперь уже серебристой, ранее светлой, но всегда одной длины — до лопаток. Тамара была статной, всегда с прямой спиной, как будто несла на плечах невидимый груз. Лицо — строгим, но в уголках губ часто таилась улыбка. Руки, покрытые белыми прожилками, сохранили силу, хоть сейчас иди картошку копать. Только другим об этом знать необязательно, поворчать иногда тоже хочется.

Окинув взглядом стройную фигуру, она поправила подол платья да накинула фуфайку. И, заперев двери на все три замка, наконец, вышла из квартиры.

Тамара жила на первом этаже двухэтажного дома и частенько смотрела в окно, иногда даже разговаривала прямо из квартиры с проходящими по дорожке рядом с домом знакомыми. На краю их небольшого поселка, недалеко от крупного города, только такие дома и были. А прямо в них построили и магазинчики, и аптеки, и почту с библиотекой. Все, что необходимо для жизни, даже больница недалеко. А то, что из подъездов одновременно были выходы и во двор, и к дороге, делало эти дома еще лучше.

Во дворе располагалась большая детская площадка, а в уголке, под тенью тополей, любимый стол с лавочками для отдыха. Дома состояли из нескольких подъездов, а территорию вокруг занимали маленькие участки и клумбы, которые жильцы сами и засаживали, делая дворы яркими и красивыми. Весной в них расцветали тюльпаны всех оттенков, а летом им на смену приходили разноцветные бархатцы, анютины глазки, фиалки и другие цветы, источающие сладкие и пряные ароматы.

Улица встретила Тамару шумом. Кого сегодня только не было: и бегающие резвящиеся дети, и мамы с колясками, и запоздалые собачники, и их пенсионерский «клуб за пятьдесят».

Клубом, конечно, это сложно назвать. Входило в него порядка десяти пенсионеров из ближайших домов, которые частенько собирались у дома и пересказывали друг другу сплетни, да делились рецептами и новостями. Иногда встречались у кого-нибудь в квартире, и каждый приносил с собой еды или большой термос для душевных разговоров.

Погода для конца марта стояла прекрасная. Снег практически везде растаял, теплый ветерок обдувал щеки, а от солнечного света глаза сами щурились и создавали новые морщины.

Взгляд Тамары Федоровны упал на стол, за которым они с Аглаей всегда сидели. К ее большому возмущению, место было занято незваной гостьей. Она направила на старуху прожигающий взгляд, но та не обратила на это никакого внимания. Тогда Тамара сменила тактику.

— Зинка, ты шо ль? — начала она издали. — А я думала, ты с Григорьичем за картошкой на рынок уехала. Там же скидка сегодня, о, — руки раздвинулись так широко, как будто она хотела ее обнять. — По тридцать рупь за кило, а в магазине все сорок дерут, — с этими словами Тамара подмигнула своей подруге и приготовилась к будущей драме. А она не заставила себя долго ждать.

— Как три десятка? Бреешь же, старая! Мне по сэ-мэ-эс пишут оттудова, не может быть! — развернувшись, прошамкала Зинаида.

— Так может. Ты думаешь, будут они писать тебе о таком, а? — Снова подмигиванье. — Раскупят все сами, а тебе будут потом продавать за тридцать пять, как непутевой. Я внучку свою, Ирку, с утра отправила туда. Но дело твое, конечно, — она втянула голову в плечи и растопырила руки в недоумевающем жесте.

— Ой, то я думаю, куда она у тебя убежала ранехонько. Вот нелюди же, я им устрою! Не пишут, совсем озверели! — с этими словами Зинка вскочила и, сотрясая кулаками воздух, убежала в сторону подъезда.

Ирина ушла, конечно же, не на рынок. С одгруппницами уехала в торговый центр за обновками к весне. На первом курсе все смотрят на одежду, тем более на факультете экономики, где она училась. С родителями давно решили, что она переедет сюда жить, тут поближе к университету. Место ей нравилось, бабушкина квартира приводила в восторг, да и помощь никогда не была лишней от любимой и единственной внучки. Было понятно, что она останется здесь навсегда. А на бабушку как она похожа в ее молодые годы: русые волнистые волосы по плечи, невысокая, такие же серые глаза и стройная фигура. Ну, точная копия.

— А что, действительно картошку нынче так продают, а, Томка? — с хитрой улыбкой спросила Аглая. Тамара же, не сдерживая смех, лишь пожала плечами.

— Да кто их поймет-то. Зато будет знать, как место мое занимать! Да, про историю с бесплатными анализами в пять утра я еще не забыла. Отправила она меня, так я пороги больницы два часа околачивала и потом вся красная уносилась оттуда, когда не оказалось таких. Вот пусть сама и побегает. — Смех обоих зазвучал в унисон на всю улицу.

Расположившись за столом, Тамара с шумом выдохнула: марш-бросок окончен. Лото к этому моменту было разложено, бочонки находились в ожидании, а термос с чаем ждал своей минуты. Вдоволь отдохнув после событий этого утра, она налила обоим в кружки дымящийся напиток и почувствовала легкий аромат яблочного пирога с корицей, исходящий из чашек. И, сделав небольшой глоток, кивнула на маленький заборчик за Аглаей.

— Видишь? Там, Глаша, — показала она ей за спину, — подснежники-то наши проклюнулись.

Маленькие белые бутоны на тонких ножках несмело пробивались сквозь промерзлую землю, приветствуя проходящих людей. Захотели тоже солнечного тепла получить, чувствует природа, весна пришла.

— Так конечно, давно пора! С нашей-то зимой немудрено и в феврале вылезти им, — поддакнула Аглая. — Скоро уж лето, да другие цветы должны быть, а мы с тобой так и не обсудили, что сажать будем. Негоже это, собраты надо, на этот, как его, бранштром, во как! — Указательный палец взмыл высоко вверх.

— И то, правда, старая, — взяв кубышки, хмыкнула Тамара. Взгляд снова упал на растущие подснежники, и невольно вспомнился прошлый год. Тогда тоже стояла теплая весна. А с Аглаей, теперь уже подругой, они враждовали похуже «кошки с собакой».

Было первое марта, пятница. И весь «клуб за пятьдесят» собрался у подъезда управляющей компании. Новости послушать, сплетни рассказать да объявления почитать — вот и весь план на день.

К обеду у стены, где висели новости, было не протолкнуться. Все пенсионеры и не только оккупировали один листок из множества, к которому Тамаре Федоровне пришлось пробиваться силой. В этом, конечно, помогла трость, которая больше была для вида, чем для помощи, но урон ногам наносила сильный. Благодаря этому спустя минуту она уже стояла прямо в центре и, прищулив глаза, читала:

Объявляется конкурс на лучшую и самую красивую клумбу этого лета!

Победителю — путевка на две недели в санаторий «Дубки».

Всем удачи!

Упр. комп.

— Это ж надо, санаторий, — в задумчивости произнесла Тамара. — Сколько денег-то стоит, десятки тысяч! Ради такого можно и постараться.

— Старайся не старайся, а победа все равно будет моя! — за спиной раздался голос ее вечной соперницы Аглаи Петровны. — Мои цветы всегда самые лучшие и красивые, а с твоими только в баню ходить, глядишь, там для драных веников и пригодятся, — расхохотавшись на всю улицу, сказала она.

Толчок тростью не заставил себя долго ждать, как и полетевшая в Аглаю булка хлеба. «На такое не жалко, — подумала Тамара, — новый куплю».

— Это тебе-то, карга, повезет? Увидим! Тут твои подлизывания не помогут. А ну прочь с дороги! — она прикрикнула и потрясла рукой с тростью в воздухе, обходя живое препятствие.

Проклятья в спину она уже не слышала. Все мысли были только о конкурсе. Дело даже не в санатории, а в том, что она должна доказать, что лучше всех этих кур, а в частности этой выскочки. План начинал назревать.

Придя домой, Тамара первым делом решила перебрать все свои книги с цветами, чтобы выбрать из миллиона вариантов самые красивые и неприхотливые для выращивания. Проглянув книжные завалы с детективами и романами, она быстро нашла пару пособий, которые решила прочесть сегодня же.

Пока в чайнике заваривался новый травяной сбор с лавандой и жасмином, она приступила к написанию списка. Спустя несколько часов плодотворной работы он был готов, отчего по всей квартире разнесся протяжный вздох счастья.

Она отъехала на стуле от письменного стола и взглядом окинула комнату, чтобы успокоить мысли. Красный ковер на стене, чешский сервант, старый ламповый телевизор, любимая сетчатая кровать, которая прогибалась, если на нее лечь, прекрасный вид из окна. Ей нравилась ее квартира, в которой она прожила больше половины своей жизни, две комнаты и кухня, что еще нужно для счастья. Отдохнув пару минут, она снова подъехала к столу и выключила настольную лампу.

— Так, посмотрим: старая добрая классика в виде роз, интересные флоксы и ирисы, на замену скучным астрам — циннии, и разбавим мы все это многообразие с помощью декоративных злаков и хостов. Это идеально, Машка! — потрепав кошку у себя на коленях, заявила Тамара. — Завтра схожу в цветочный магазин и куплю все что надо, тогда и начнем магию. —

Маша отреагировала мелодичным мурлыканьем, и обе, отужинав вчерашним борщом, улеглись спать пораньше.

С самого утра в соседнем магазине «Садовод» было не протолкнуться от любителей халявы, очереди из-за бесплатной путевки в санаторий были огромными.

— Мне же лучше, я в других магазинах найду то, чего они здесь точно не увидят, — и, поцокав, Тамара отправилась дальше. Пройдя пару кварталов, она увидела, как к ней несется Аглая. Понимая, что добром это не кончится, она все же остановилась с дружелюбной улыбкой, которой улыбаются волки перед прыжком.

— Доброе утро, Аглая Петровна! Какими судьбами? — сквозь зубы произнесла Тамара. Утро действительно было добрым до этого момента, но собеседнице этого знать необязательно.

— И тебе не хворать, — абсолютно с таким же выражением лица поздоровалась Аглая. — Ты чой-то так далеко от района нашего? Следишь за кем-то, а?

— Да за кем следить? По магазинам пройтись решила, не все же время в соседние ларьки ходить да на рынок. Нового чего захотелось, приелось все.

— Нового говоришь, знаю я твое новое! Скупила все, можешь не бегать, — злорадный смех разнесся между домами. — Ох, Тамара Федоровна. Сиди со своими пышками для Ирки и повязывай, когда скучно, а в это не лезь!

Если до этого момента Тамара сдерживала свои эмоции, то теперь они перелились через край. «И она будет меня учить?!» — едва она подумала об этом, как руки начали жить своей собственной жизнью, и все покупки Аглаи оказались на тротуаре.

«Нет, все же топтаться по купленной земле и пакетам с семенами было лишним», — пронеслось у нее в голове спустя пять минут после побега от взбешенной соседки. «Но она же сама виновата! Не надо меня злить, ой, не надо!»

Обойдя несколько магазинов и потратив все запасы денег, Тамара счастливая вернулась домой. Машка встретила ее у порога, но, проверив пакеты на наличие вкусностей и, не найдя ничего, с грустью ушла в свой домик.

Полуденное солнце припекало из окна на кухне, показывая, что пришла весна. Оно давало знак, что дело начато правильно. Поэтому, недолго думая, все пакеты были быстро разобраны. Изучив все инструкции к концу трудового дня, она посадила семена и даже установила фитолампу и автополив, которые, к слову, стоили недешево.

В конце мая для рассадки все было готово: земля перекопана, удобрения добавлены, саженцы вытянулись на подоконнике, да и солнце уже прогрело почву до нужных температур. Ирину и Машку эти месяцы она в комнату с цветами не пускала, все сама делала. Одна даже кактус доведет до смерти, вторая съест все что увидит — уж лучше без помощников.

И вот, первого июня, как ей казалось, эта дата идеальна, со всем своим скарбом Тамара спустилась во двор, чтобы высадить свои растения. Под музыку Моцарта и Шуберта, которая звучала из окон, дело пошло скоро. А про пользу классики для роста ей Ирка рассказала. С того момента музыка у них дома была только такая.

Тамара в красках представляла, как зацветет ее клумба: яркие циннии в середине будут сразу приковывать взгляд, вокруг, словно защищая, расположатся тех же оттенков флоксы, а фиолетовые ирисы, как башни, дополнят картину.

Пропалывая остатки сорняков, фантазируя, что это головы Аглаи, которая за все эти месяцы ни одного доброго слова не сказала в ее адрес, она придумывала, как ей разместить оставшиеся ростки. И в этот момент из дальнего подъезда, как гром среди ясного неба, с криками выбежала та, которая последние минуты занимала все ее мысли.

— Я знаю, это ты! Чертовка поганая! — вопя, неслась в ее сторону Аглая. — Так и знала, что честно ты не сможешь победить! — крик перешел на ультразвук.

Аглая Петровна неслась так быстро, как будто догоняла уезжающий автобус. Хоть ноги с трудом отрывались от земли, но упорно двигались вперед. Платок развязался, а седые волосы,

собранные в пучок, растрепались и норовили залезть в рот. Ее дыхание было прерывистым, в глазах горел злой огонь.

— Что случилось-то, сумасшедшая? — Тамара развернулась в сторону бегущего бедствия, не понимая, о чем она говорит.

— Случилось? Случилось то, что я всего на минуту отвлеклась, а мои прекрасные, мои самые лучшие, мои неповторимые цветы кто-то облил соленой водой! — сокрушалась она. — Ты! Ты единственная на улице, да к тому же вся в поту! Я знаю, что это — ты! Теперь они погибнут! Что же делать? — стадия гнева быстро перешла в торг. — Бойся, старая, считай секунды, моя месть будет страшной!

И с этими словами она в два раза быстрее зашагала домой, бормоча под нос варианты спасения.

— Совсем обезумела! Я ее цветы не трогала даже! Ненормальная какая-то. Ее клумба с другой стороны дома, я бы даже не успела добежать сюда со своими коленями, будь это я. Не зря я поставила камеру, как знала, что начнется битва за санаторий, — постучала она по голове указательным пальцем, радостная от такой гениальной идеи. — Всем бы такими предусмотрительными быть, как я. И проблем бы не было, — с этими словами последний саженец оказался в земле, и, довольная своей работой, она отправилась домой. «Да, пока неаккуратно и пусто, но скоро все зацветет, и будет настоящий праздник», — подумала Тамара и открыла дверь.

На следующее утро весь дом проснулся от криков. Тамара смотрела на свои перетоптанные растения и готова была проклясть любого, кто сейчас окажется в радиусе ста метров. Крохотные стебельки были поломаны, а нераспустившиеся бутоны повяли.

Камеры сыграли свою роль, и спустя десять минут Тамара с Ириной смотрели кино одного актера, в котором главную роль исполняла Аглая Петровна. Как шпион, в кепке и толстовке с капюшоном, она опустошила несколько пакетов пшена на ее клумбу и быстро убежала от взгляда незамеченной камеры.

Потом потянулись несколько часов ночной жизни, в которой из интересного только и было, что Зинка, идущая откуда-то в четыре утра. «Восемьдесят лет, а все туда же», — подумала Тамара. И вскоре, после рассвета, налетела целая стая голубей, которая бегала и нещадно топтала композицию под аккомпанемент из слез и всхлипов Тамары Федоровны.

— Война началась, — довольно спокойно сказала она и хлопнула крышкой ноутбука.

Спустя неделю план, что делать с Аглаей, созрел. Времени на обдумывание деталей не было, ведь пришлось срочно воскрешать саженцы, но он был практически идеален.

— Ирка! Иди сюда, помоги бабке, ну!

— Сейчас, — раздался звонкий голос из соседней комнаты. — Что нужно на этот раз? Опять забыла пароль от госуслуг? — поинтересовалась Ирина, войдя к бабушке.

— Нет, боже упаси, эта шайтан-машина пока работает. Мне доставка нужна. Срочно!

— И что же заказать тебе, девица красная? — с интересом посмотрела на нее Ирина.

— Этот, как его... Лед. Во! Сухой, — сказала Тамара, почесывая седую голову. — И, если можно, подешевле.

— А зачем тебе? — сощутив глаза, спросила внучка, уперев руки в бока.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — посмеялась бабушка. — Прочитать надо одну кошелку старую, ту, что на видео была, помнишь?

— Да как не помнить-то, помню. Закажу я, конечно, но если спросят, то я не при делах, учти. Мне с ними еще всю сознательную жизнь рядом находиться, поняла?

— Да, да, да... Только поскорее давай, — уже в своих мыслях и мечтах о выполненном деле, произнесла Тамара.

Через неделю сухой лед в контейнере был у них дома. «Пришлось, конечно, отдать треть пенсии, но это того стоит, — подумала она, — ради одного ее разъяренного лица готова хоть всю пенсию пожертвовать».

«План-капкан» был намечен на поздний вечер. И, даже не скрываясь под чужой одеждой, она неспешно пошла к клумбе Аглаи, чтобы, если и встретил кто, то подумал, что она просто вышла подышать воздухом перед сном. «Красивые, конечно, саженцы. Особенно те бархатцы, на солнце и мандарины похожие. Жалко», — пронесся голос в голове Тамары, когда она подошла к цветам. «А ну, не жалеть, новые вырастут!» — второй, более жесткий голос, не дал ей отойти от плана. Надев защитные перчатки и раскидав лед, она быстро убежала к себе.

Утро началось не с рассвета, а с визга.

— Как петух надрыгается, — засмеялась Тамара Федоровна, выглядывая в окошко. — Так тебе и надо, сама первая начала, — и с ехидной улыбкой стала застилать постель. Утро выдалось поистине добрым.

Как ни ждала Тамара пострадавшую у себя с угрозами, сколько не караулила на лавочке, так и не увидела Аглаю нигде. Сердце начинало покалывать. «А вдруг... Нет, не может быть, она сильная. Но вдруг?» — не унимались мысли.

Два дня спустя Аглая Петровна вернулась в жизнь района и уже с самого утра раздавала молодежи указания, как надо жить да кто есть кто.

И в жизнь Тамары она тоже вернулась. Да не с пустыми руками, но об этом та узнала только через неделю, когда все ее растения заросли сорняками. Она знала, какие травы сами вырастают у них в районе, ведь несколько лет занималась оформлением своей клумбы. А тут новые какие-то полезли и только у нее одной. От одного выюнка, который уже начал оплетать стебли цветов, избавиться ой как непросто. Вывод был очевиден. Камера, как назло, не работала, у нее села батарейка, и сходить к участковому с видео не представлялось возможным. «Да и что он скажет? Покрутит у виска и все? Нет. Битва еще не закончена, я покажу ей, где раки зимуют», — и с этими мыслями Тамара продолжила пропалывать клумбу.

Потратив пару дней на удаление всей ненужной травы, Тамара, выдохнув, отправилась в магазин за яблоками. Ведь чем они будут свежее, тем яростней собаки Аглаи будут искать «клад». Злодейская ухмылка не сходила с лица весь путь домой, отчего она даже испугалась, что не сможет улыбаться после этого нормально.

Когда яблоки были полностью очищены и подготовлены, на часах пробило всего девять вечера, поэтому она решила из оставшихся испечь шарлотку, побаловать себя любимую. Через час после сигнала духовки Тамара ужинала углеводами вместе с новым чаем, купленным Ириной, с грейпфрутом и смородиной. Аромат стоял на всю квартиру, и от него она испытывала большое воодушевление.

Тамара взяла подготовленные яблоки и спустилась во двор, стараясь, чтобы никто из соседей ее не увидел. Быстро подошла к грядке, и точными движениями спрятала яблоки между цветами, стараясь не закапывать их глубоко, чтобы собаки унюхали. Осмотрев свои труды и убедившись, что «улик» нет, она вернулась домой. Открыла нараспашку все окна в доме, впуская свежий летний воздух, и со счастливой улыбкой легла спать.

После того вечера собаки Аглаи, которые за яблоки готовы душу продать, конечно же, вылетев из подъезда, отправились напрямик в ее клумбу, и никакие уговоры прекратить на них не действовали. Тамара слышала, как они вначале заскулили, почуяв манящий аромат, а потом с лаем помчались к лакомству, будто за зверем на охоте.

Аглая же в отместку нашла паутинного клеща и тлю, и рассадила их на композицию у Тамары, от которых та избавлялась еще долго.

Лето выдалось сухим и душным. После возни с клумбой Тамара, уже под вечер, когда спадала жара, обычно садилась на лавочку во дворе и под писк комаров над ухом провожала закат. Она смотрела на заходящее солнце и думала об одном: лишь бы все прошло хорошо.

По пути домой она иногда бросала взгляд на Зинкину клумбу. «И что тут может понравиться? — усмехалась про себя Тамара Федоровна, — одни оранжевые ноготки, пара подсолнухов торчит, да укроп невыполотый. Деревенщина».

Спустя месяц настал момент, когда на карту было поставлено все, через неделю пройдет оценочная комиссия и выберет победителя. Лучшего момента для последнего хода в их партии нет. Аглая вечно бежит со своими цветами, и ей нужно лишь помочь задержаться на улице, а уж остальное подготовлено.

Ирине было доверено самое сложное — отвлекать Аглаю Петровну.

— Ты это, не забудь! Если она уйдет, падай на землю и кричи, что ногу подвернула, я успею сбежать, поняла? — в сотый раз спросила Тамара.

— Да помню я, помню, — закатив глаза, сказала та. — Но почему именно я? Что я скажу, если она спросит, зачем мне помощь в садоводстве? Она же никогда меня с цветами и рядом не видела! Мне на них смотреть-то страшно, вянут сразу, — проканючила Ирина.

— А ну не спорь! — начала напирать бабушка. — Как только она услышит хоть про листочек, ее уже будет не заткнуть. В крайнем случае, скажи, что доклад надо в университет готовить, вот и все. Не бойся! А я разрешу подруг позвать в выходные, даже мешать не буду, — подмигнула она.

— Ладно, ладно, отвлеку твою мегеру. Иди давай, через полчаса будь готова.

Эти тридцать минут были самыми долгими в жизни Тамары Федоровны, тянулись, как резина. Ожидание сводило с ума. И вот, в пять вечера, она услышала под окнами разговор Иринки и Аглаи да поспешила с бутылками на улицу. Раствор в них был подготовлен давно. Нет, не химикаты какие, хотя она думала об этом. Всего лишь мощный раствор соли.

— Как началась эта битва, пусть так и закончится, — решила она, — хоть начала ее не я.

Быстро махнув Ирине в окно, она вышла из дома через вторую дверь, выходящую на дорогу, и направилась к клумбе, которая уже выглядела, не так прекрасно, как в начале лета. Лилейники, похожие на огоньки, и нежные настурции подвяли, а ярко-синие петунии после встречи с собаками все еще не пришли в себя. Названия остальных цветов она попросту не знала.

Очутившись рядом со стеной дома, Тамара нащупала в ящике бутылки, которыми соседка обычно поливает цветы, и быстро начала откручивать пробки. Время вокруг как будто замедлилось: ветер перестал колыхать траву, солнце спряталось за облаками, кузнечики прекратили стрекотать, и раздавалось только поскрипывание от бутылки в руке. Она решила замедлить раствор, а не сразу их полить. Во-первых, если просто разлить, будет сразу видно и заметно, да и, во-вторых, продлить момент торжества она хотела подольше.

Одно лишь расстраивало — пришлось бегать несколько раз по десять метров, как в школе, чтобы выливать воду в высокую траву. И когда все было закончено, а с места преступления убраны все доказательства, она поспешила спасти Ирину от ходячей энциклопедии.

Как только Аглая увидела Тамару, то сразу перешла в наступление:

— Ты хоть понимаешь, что из-за твоих выходов я могу проиграть? Это не твои корешки показывать, мои цветы всегда самые лучшие! — голос начал повышаться. — Ты и думать-то можешь только о себе, эгоистка!

В этот момент терпение Тамары Федоровны лопнуло.

— Я — эгоистка? Я? У меня хотя бы родственники есть, а не собачонки! Я для Ирины все делаю, Машка чуть ли не в сливках купается, детей вырастила замечательных, — начала насаждать Тамара. — А ты только и можешь, что о своих цветах думать, тьфу на тебя! — и, плюнув на тротуар, она начала уходить, утаскивая внучку подальше.

— Знаешь, — прозвучал мелодичный голос Ирины, — а она в чем-то права.

— В чем права-то? Не знаешь — не лезь! — повысила голос Тамара Федоровна. — В твоём возрасте я взрослым не зубоскалила, ишь ты! — Но зерно сомнения уже было в мыслях.

Спустя несколько дней цветы у Аглаи начали желтеть и увядать. Зеленые листья поблекли, яркие лепестки цветов поникли, и вся клумба приобрела какой-то тусклый вид. Что

к чему, понять она не могла. «И солнечная сторона, — думала, — и вода отстоянная, удобрения проверенные. Что же случилось-то?»

Так и думала бы, пока в один день, устав на прополке под палящим солнцем, не отпила, не побрезговав, воды из бутылки. Если можно ее так назвать, конечно, а не солью с добавлением воды.

В этот момент спокойствию Аглаи Петровны пришел конец, как и растениям соседки. — Помериться ей захотелось. Ну, на тогда, получай! На! На! На! — кричала она, топчась и без того бедноватую клумбу, отдавая весь свой гнев. Хоть и любила цветы всем сердцем, но такое стерпеть не могла.

Тамара выбежала на крик и, упав на колени, со слезами посмотрела на свое детище.

— Что же делается, Господи? Зачем ты так со мной? Что я грешного-то сделала в этой жизни? А? — взывала она к небу.

И, собрав последние силы и кое-как встав с колен, поковыляла за дом, еле волоча ноги. Там, с завидным упрямством, не говоря ни слова, она начала выдирать все растения, которые были на клумбе у Аглаи. Лишь изредка вытирала слезы рукавом, оставляя коричневые пятна от земли на своем лице.

На шум выскочила Ирина и с ужасом посмотрела на бабушку.

— Ты в своей битве совсем обезумела, — начала она повышать голос. — Своими действиями ты показала, как низко можешь упасть ради победы. Полюбуйся! Ты же меня учила быть доброй, заботиться о ближних, а сама?! Что нужно сделать, чтобы ты была по-настоящему счастлива? Я не понимаю... Это лето... Ты... Задумайся! — и Ирина ушла домой, прокричав последнее слово на эмоциях.

Неделю спустя в воскресенье, третьего августа, все собрались у своих клумб показывать, что они вырастили, и за путевку побороться.

Тамара к тому времени успокоилась, извинилась перед внучкой за свое поведение и поступки, наказывая, чтобы та никогда не переступала такую же черту, как бабка. Ирина для вида пообижалась час, но когда до нее дошел аромат блинов и свежего варенья с кухни, сразу подобрела и пришла за примирительной едой. Бабушка знала, как баловать внучку.

Когда пришла комиссия, Тамара вышла на улицу вместе с другими жильцами, но дойти смогла только до лавочки со столиком во дворе, откуда смотрела на проходящую процессию в тишине и задумчивости. Когда участники остановились у клумбы Тамары, то оглянулись на нее, бесшумно хихикнули и отправились дальше. Но до этого ей уже не было никакого дела.

Вскоре на соседнюю лавочку села Аглая, раздумывая, как начать беседу. Тамара несколько раз вздохнула, собираясь с мыслями, и заговорила первой:

— Ты прости меня, — сказала она искренне, с грустью в голосе и провела ладонью по ноге, поглаживая. — Я не хотела, чтобы так получилось. Просто, хотела победить. Показать, что я тоже чего-то, да стою. Санаторий мне без надобности, а теперь... Что уж.

— И ты меня... Прости. — Аглая стянула с головы платок и сложила уголок к уголку несколько раз. Было видно, как тяжело давались ей эти слова. — Я тоже виновата перед тобой. Столько слов плохих наговорила. Не заслужила ты этого, Тамара, Бог мне судья. Тогда в июне, когда я первый раз наорала на тебя, оказалось, что это не ты, а Зинка испортила саженцы. Маринад делала да остатки просто с балкона вылила на мою клумбу. Но поздно уже было. Не сердчай на меня.

С этими словами Аглая Петровна поднялась, похлопала соседку по плечу и ушла в сторону своего подъезда. Тамара долго сидела, обдумывая, что сейчас произошло, пока не услышала, что Зинаиду поздравляют с первым местом и поездкой в санаторий.

«Да уж», — только и пронеслось у нее в голове.

Громкий крик в ухо вернул Тамару Федоровну в реальность.

— Ау-у-у! Ты что, уснула, что ли? Отмечать цифры-то будешь? — наседала Аглая.

— Да буду, буду! Прицепилась, старая, не оттащишь! Просто вспомнила прошлый год, какой он был, что принес.

— Меня принес в твою несчастную жизнь, что ж еще, — рассмеялась Аглая. — Сама же бегала за мной всю осень и чай звала пить.

— Я? Тебя? Ты что-то перепутала ненароком. Маразм у тебя старческий иль деменция уже, — с улыбкой сказала Тамара.

— Ты что брешь-то, не наговаривай. Сама такая! — поджав губы больше для театральности, заявила она.

— Нет у нас маразма, нет. — Взгляд снова остановился на оградке за спиной. — Зато дружба есть, — Тамара произнесла это тихо и накрыла сухую руку Аглаи своей. — Взрослая. Крепкая. Полная надежды на будущее. Мы с тобой знаем, что в жизни главное не годы, а запоминающиеся моменты, и за этот год у нас таких было много.

Задумавшись на секунду, она продолжила:

— Знаешь, а ведь мы с тобой как эти подснежники: раскрываемся навстречу солнцу и дарим чудеса окружающим нас людям. Не зря решили посадить их в честь новой дружбы.

— Не зря, — подтвердила Аглая.

И они продолжили играть в свое еженедельное лото.